

Реформирование Красной армии в 1920-е гг.

В. В. Жарков

В статье рассматриваются преобразования военной организации, предпринятые руководством страны в 1920-е гг. Исследованы изменения, коснувшиеся как численности армии, так и системы ее комплектования. Проанализированы основные направления реформирования РККА, заключающиеся в реорганизации центрального военного управления, изменении подготовки военных кадров, переустройстве военно-учебных заведений и т. д.

Ключевые слова: Красная армия, реорганизация, территориальные войсковые части, кадровые войсковые соединения, крестьянские настроения.

Reforming of the Red Army in 1920-s

V. V. Zharkov

In the article the transformations of the military organisation undertaken by the government of the country in 1920-s are considered. The changes which have concerned both number of the army, and the system of its acquisition are investigated. Are analysed the basic directions of reformation of the Red Army consisting in reorganisation of the central military management, change of training military staff, reorganisation of military schools etc.

Key words: the Red Army, reorganisation, territorial army units, personnel army formations, peasant mood.

При переходе на мирное положение военно-политические, экономические и социальные условия как внутреннего, так и международного характера рассматриваемого периода диктовали необходимость значительного сокращения Красной армии и приведения ее организационно-штатной структуры в соответствие с оборонным характером военной политики и экономическими возможностями страны. К концу 1920 г. в Красной армии насчитывалось 5,5 млн человек, из которых 83,4 % составляли мобилизованные и 16,6 % добровольцы [1]. Содержать такую многочисленную армию государство было не в состоянии, прежде всего по экономическим причинам.

Важнейшим шагом военной реформы стал переход к смешанной системе комплектования. Это преобразование носило вынужденный характер и было вызвано необходимостью

а) обеспечить возможность подготовки всего годного для военной службы призывного состава страны [2];

б) иметь соответствующее число воинских соединений.

«Выход мы находим, – говорил М. В. Фрунзе, – в сочетании кадровой армии с милиционной системой. Наличие территориально-милиционных формирований позволяет нам увеличить количество пропускаемого через ряды нашей армии контингента ... эта система допускает несение военной службы без длительного отрыва от хозяйства. Другого выхода при данных условиях и численности наших мирных кадров у нас нет и быть не может» [3].

8 августа 1923 г. ЦИК и СНК СССР издали декрет «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки

трудящихся», в соответствии с которым устанавливался строгий порядок организации территориальных частей и прохождения службы в них. Предполагалось, что формирования на территориальных началах состоят из кадров (постоянный состав), которые проходят военную службу, как в регулярной армии. Переменный состав пополняется военнообязанными начиная со следующего за призывным возрастом года. Подлежащие зачислению в него военнообязанные должны пройти трехмесячную вневойсковую подготовку. Зачисленные в переменный состав территориальной части подчиняются правилам прохождения службы [4].

В дальнейшем создание территориально-милиционных частей шло полным ходом. Уже 1 апреля 1926 г. в армии 49 стрелковых дивизий, 3 стрелковых полка, 2 кавдивизии, 1 полк бронепоездов были территориальными. Всего в перечисленных соединениях и частях насчитывалось 98081 человек кадрового и 563 853 человек переменного состава [5].

В резолюции совещания секретарей военных ячеек (май 1925 г.) констатировалось, что работа, направленная на укрепление территориальных формирований, обеспечивает возможность создания крепких и боеспособных частей. Одним из основных недочетов в работе территориального аппарата является недостаточно правильно проведенное районирование. Предлагалось стремиться к тому, чтобы районирование обеспечивало, во-первых, близость расположения отдельных территориальных частей к их основным центрам – штабам; во-вторых, совпадение месторасположения последних с административными центрами; в-третьих, приближение кадровых частей к их переменному составу [6].

Кадровые войсковые соединения должны были содержать в составе не менее 50 % и до 80 % состава военного времени. Выступая на пленуме Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам утверждал: «Наша кадровая дивизия имеет лишь 34 % состава военного времени и при развертывании примет 70 % призванных из запаса по мобилизации. Кадр территориальной дивизии равняется 16 % ее штатного состава, рассчитанного по военному времени, но зато она будет иметь весь остальной состав, обученный в течение 5–8 месяцев, органически связанный со своими частями. Командный состав кадровой дивизии составляет всего 41 % военного времени, а территориальной 51 %. На основании приведенных данных можно с определенностью сказать, что боевые признаки той и другой организации уравниваются» [7].

После заслушивания докладов о проделанной работе и о состоянии кадровых и территориальных формирований Реввоенсоветом СССР было принято решение: «в целях уравнивания состава территориальных и кадровых дивизий по степени боевой подготовки в военное время и поднятия мобилизационной готовности последних признать целесообразным проведение данных преобразований» [8].

Территориальные формирования строились и дислоцировались с учетом административного деления страны, экономического районирования, плотности, состава и рода занятий населения. Чаще всего районами комплектования являлись: для дивизии – губерния, для полка – уезд, для роты – волость. Но в этой сфере имелись серьезные недостатки, прежде всего в организации учета и призыва пополнения. Законодательное регулирование вопросов прохождения службы переменным составом было недостаточным. Миллионные формирования были плохо обеспечены табельным имуществом. Еще хуже дело обстоит с качеством командного состава (в особенности младшего), имевшего слабую подготовку [9].

В сводках ПУРККА отмечалось, что одним из крупных недостатков наших кадровых частей за последние годы было отсутствие младшего состава, а также слабая подготовка и недостаток дисциплины [10].

При оценке результатов политической подготовки красноармейцев на сборах 1924 г. следует иметь в виду особенности политической обстановки в деревне в то время. На территориальных

сборах ярко сказались «крестьянские настроения», проявившиеся в деревне в 1924 г. Суть их состояла в известном недовольстве сельского населения высокими ценами на промышленные товары и сравнительно низкими ценами на продукты сельского хозяйства, а также налоговой политикой.

О проявлении таких «крестьянских настроений» на территориальных сборах в 1924 г. сообщали политорганы всех военных округов. В ряде мест красноармейцы из крестьян выражали недовольство существующими ограничениями при приеме крестьян в партию, выдвигали предложения о создании крестьянских организаций. Эти настроения приводили к обострению и так непростых отношений между крестьянами и рабочими, а также способствовали расколу крестьян на враждующие группы [11].

Носителем этих настроений была, прежде всего, зажиточная часть крестьян, которая подчас отражала и кулацкое влияние. Нередки были случаи, говорится в сводке Политического Управления РККА № 247 от 7 октября 1924 г., когда в выступлениях переменного состава территориальных дивизий (из крестьян) выявлялись «острые кулацкие настроения и противопоставления города – деревне». Содержание документов ПУРККА позволяет выделить «неудобные» для власти вопросы «кулацкого характера», задаваемые красноармейцами на политзанятиях: «Почему крестьянин, работая целые сутки, живет в бедности, а рабочий, работая 8 часов, живет припеваючи?» или «Налог берут, а давать ничего не дают?» и пр. [12].

Затрудняла проведение сборов большая неявка личного состава. Так, например, в 30-ю дивизию Украинского военного округа на сборы не явились комсостава – 64 человека, политбойцов – 20 человек, красноармейцев – 280 человек, а среди прибывших имелось большое количество «сектантов, уклонистов и прочих идеологически вредно настроенных элементов». А в 7-й роте 99-й дивизии того же округа среди тех, кто прибыл на сборы, отмечался ярко выраженный украинский национализм. Все красноармейцы проявили недовольство тем, что рота до сих пор не украинизирована. Командир и политрук были заменены украинцами. Было выдано распоряжение говорить везде только на украинском языке [13].

Как отмечалось в докладе ПУРККА от 1 декабря 1924 г., ход призыва граждан 1902 года рождения проходил в трудных условиях. При про-

хождении призыва в пяти губерниях европейской части России медкомиссией было осмотрено 8988 человек, из которых признано к военной службе годными 57,4 % призывников; негодными – 14,5 %; отправлено на испытание – 10,2 %; на излечение – 2,2 %; предоставлена отсрочка – 11,8 %; уволено в запас – 7,9 % [14].

В данной сводке отмечены и случаи членовредительства. Так, приемной комиссией при Сергачевском уездном военном комиссариате Нижегородской губернии было выявлено до 10 случаев симуляции и членовредительства. В Уральском военном округе было отмечено много ушных заболеваний. В процессе наблюдения удалось выяснить, что, например, красноармейцы 15-го кавполка Лекарь и Денин с целью освобождения от военной службы влили себе в уши бензин.

Особой проблемой являлось дезертирство: только в сентябре 1924 г. из 104-го полка 35-й дивизии дезертировало 10 красноармейцев и пр. [15].

Подобные и другие проблемы постепенно разрешались и с каждым годом существования и закрепления территориально-милиционной системы все реже появлялись в сводках ПУРККА.

По количеству кадрово-переменного состава, а значит и по решаемым задачам территориальные дивизии подразделялись

- на первоочередные (2400 человек кадров и 10 681 человек переменного состава);
- второочередные, при кадровой дивизии (604 и 11 750 человек) и при первоочередной дивизии (622 и 11 734 человек);
- ячейки территориальных дивизий (190 человек постоянного состава) [16].

Первоочередные дивизии в боевом отношении были вполне способны самостоятельно решать поставленные задачи. Второочередные территориальные соединения были значительно слабее: здесь для проведения учебных сборов приписанных красноармейцев «занимали» военные кадры у первоочередных и кадровых дивизий. Ячейки же являлись базой развертывания при мобилизации и не занимались военным обучением граждан. К апрелю 1925 г. из 46 территориальных советских дивизий 28 были первоочередными, кроме дивизий имелось также 14 соответствующих ячеек.

Несмотря на существующие недостатки, К. Е. Ворошилов на торжественном заседании в Большом театре в день VIII годовщины Красной

армии 23 февраля 1926 г. заявил: «Красная Армия построена на двух принципах: на принципе кадровых войсковых соединений и на принципе территориально-милиционных формирований. Территориальные части являются преобладающей формой организации Красной Армии.

Способ формирования армии путем территориально-милиционной системы является единственно возможным. Только при нем РККА может выполнить те огромные задачи, которые на нее возлагаются на случай войны. Только такая Красная Армия, которая может развернуться до определенных размеров, не допуская никаких импровизаций, никаких наспех задуманных форм сплочения частей, может выполнить все задачи, которые перед ней встанут, и мы эту армию, в таком именно виде сейчас и имеем» [17].

Действительно, начиная с 1924 г., после Пленума Реввоенсовета СССР, темпы создания территориально-милиционных формирований постоянно возрастали: в 1923 г. в таком режиме сохранились 17,2 % соединений, в 1924 г. – 47,6 %, 1925 г. – 62,8 %, 1926 г. – 65,8 % [18].

Практическое применение территориальной системы выявило ряд ее преимуществ, которые, по мнению советского военно-политического руководства, имели экономический (подготовка бойца с меньшими затратами) и политический (укрепление союза рабочих и крестьян, обеспечение массовой военизации населения) аспекты.

В выступлениях, статьях советских руководителей подчеркивались успехи и «победы» территориальной системы, без конца заявлялось, что основой нынешних Вооруженных Сил Союза являются не кадровые части, а территориально-милиционные формирования, и часто отмечалось превосходство территориальных частей.

Реальное положение дел было иным, что вынужденно констатировал даже нарком по военным и морским делам СССР. Так, подводя итоги сборов новобранцев 1903 года рождения, К. Е. Ворошилов отмечал: «Расположение территориальных частей определялось, как правило, принципом районирования населения. Поэтому в случае войны, учитывая огромное пространство Советской страны и недостаточную сеть железных дорог, сосредоточение этих частей на том или ином театре военных действий представляло бы одну из трудных проблем.

Другим недостатком этой системы являлось то, что она, будучи основана на проведении коротких сборов, не могла обеспечить должное

сплачивание частей, воспитания в личном составе крепкой дисциплины и изучения сложной техники» [19].

При анализе призыва 1903 г. р. нарком по военным и морским делам констатировал: «Призывной контингент представляется более культурным по своему составу, чем в 1924 г.». Действительно, процент неграмотных уменьшился с 19,4 % (1902 г. р.) до 12,4 % (1903 г. р.) [20].

Но проблема грамотности призывного контингента стояла очень остро. К тому же тех, кого приписывали к грамотным, можно было считать таковыми с большой натяжкой.

При поступлении в военные подразделения молодого пополнения проводилась тщательная проверка степени его грамотности, в результате которой выделяли три категории: неграмотные, малограмотные, грамотные. В итоговых показателях малограмотных относили к грамотным, а если бы относили к неграмотным, то ситуация была бы еще более тревожной.

В армии усиленно боролись с малограмотностью (неграмотностью). Как неграмотные, так и грамотные военнослужащие обучались пять раз в неделю по особому варианту комплексной программы политзанятий. В итоге Красная армия внесла большой вклад в дело ликвидации неграмотности в стране. С 1919 по 1928 год в ее рядах ликвидировали неграмотность 555 500 чел. [21].

В дальнейшем призывники приходили в РККА более обученными: так, в призыве граждан 1904 г. р. число неграмотных призывников было 8,4 %, в призыве 1905 г. р. – 10,4 %, в призыве 1906 г. р. – 7,7 % [22], то есть наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня неграмотности призывников.

Призывной контингент приносил еще ряд проблем при проведении сборов. В резолюции Реввоенсовета СССР о ходе призыва говорилось: «Прибывшие 10–11 мая красноармейцы-переменники для отбывания 3-месячных сборов находятся в плохом физическом состоянии (70 % пришедших из сел совершенно истощены). Отдельные красноармейцы 30 километров от села до лагерей едва могли пройти в течение 3-х дней.

После прихода новобранцев около лагерей ежедневно находятся несколько десятков, а иногда и больше людей – родных красноармейцев, которые приходят с жалобами на голодание оставшейся семьи» [23].

Имелось много других недостатков. Например, ПУРККА постоянно получало доклады о

плохом обеспечении переменного состава обмундированием. В 16-й дивизии ПВО в последние недели сборов некоторые роты приходилось вывозить на занятия в одних кальсонах и нательных рубашках; в Ленинградском военном округе призывники получили некондиционную обувь, развалившуюся на второй день носки.

Такое состояние обмундирования увеличивало заболеваемость новобранцев от простуды, натирания ног и т. д. В 18-й дивизии Московского военного округа был зафиксирован факт смерти от простуды двух новобранцев.

В такой ситуации все чаще новобранцы начинали открыто ставить вопрос о полезности территориальной системы вообще и спорности ее преимуществ по сравнению с кадровой [24]. Так, в 32-й дивизии Приволжского военного округа красноармеец в письме домой сообщал: «Буду принимать какие-нибудь меры, так как служить дальше невозможно, я не могу быть в рядах Красной Армии. Если бы можно было, я давно бы отрубил себе руку, никакая холера меня не берет, дома хворал, а тут замерзнешь, посинеешь, и не берет ничего. Я с Грудинным решил отрубить себе по два пальца, больше выхода нет».

Вопрос о территориально-милиционной системе 20 марта 1925 г. обсуждался на совещании секретарей военных ячеек РККА. В резолюции совещания был отмечен ряд недостатков территориальной системы. Одним из основных недостатков признавалось недостаточно правильно проведенное районирование:

- во-первых, неправильное расположение отдельных территориальных частей и их основных центров (части находились далеко от своих центров, что затрудняло управление);
- во-вторых, совпадение месторасположения последних с административными центрами (волость, район);
- в-третьих, приближение кадров территориальных частей к своему переменному составу [25].

Территориально-милиционная система долгое время оставалась основой построения РККА. Она была окончательно закреплена в законе СССР «Об обязательной военной службе», принятом ЦИК и СНК СССР 18 сентября 1925 г.

Существовали проблемы и в финансировании комсостава Красной армии. Военнослужащие польской армии получали в 1926 г. в 2 раза больше, чем командиры Красной армии. Так, жалование командира роты Красной армии состав-

ляло 78 руб., а при переводе на рубли польский командир роты получал 116 руб.; жалование командира полка Красной армии составляло 120 руб., а польской армии – 294 руб.; жалование командира дивизии – 155 и 323 руб. соответственно [26].

Учитывая возникшие при формировании территориальной системы трудности, ЦК ВКП(б) в мае 1926 г. разослал на места циркулярное письмо «О терсборах», в котором предложил развернутую программу действий по подготовке очередного территориального военного сбора.

ЦК ВКП(б) предлагал к предстоящим учебным сборам принять следующие меры:

- обеспечить полную и своевременную явку на сборы всех военнослужащих;
- предварительно до начала сборов провести несколько собраний с призывниками с целью уяснения основных вопросов дисциплины, взаимоотношений, хозяйственного и политического состояния района комплектования и т. д. [27].

Таким образом, после проведения военной реформы действительная военная служба осуществлялась в трех основных формах:

- действительная служба в кадровых частях РККА сроком от 2-х до 4-х лет (в зависимости от вида и рода войск) и состояние в долгосрочном отпуске (от 1 до 3 лет);
- действительная служба в переменном составе территориальных войск в течение 5-ти лет путем ежегодных учебных сборов на общий срок 8–12 мес. и пребывание в отпуске между сборами; в остальное время – трудовая деятельность по месту жительства;
- служба вневойсковым порядком (обучение военному делу по месту жительства при отсутствии территориальных формирований методом сборов общим сроком 6 мес. за 5 лет).

С 1939 г. СССР спешным порядком начнет ликвидировать территориальные соединения и части. Принятый 1 сентября 1939 г. на IV Внеочередной сессии Верховного Совета СССР Закон о всеобщей воинской обязанности окончательно закреплял переход к кадровой системе комплектования и организации войск. Согласно этому закону все граждане СССР мужского пола без различия расы, вероисповедания, национальности, образованности, социального происхождения и положения были обязаны проходить военную службу в составе Вооруженных Сил

СССР. Также по этому закону произошло понижение призывного возраста с 21 года до 19 лет, а для окончивших среднюю школу – до 18 лет [28].

Однако инерция недостатков территориально-милиционной системы серьезно осложнила переход к всеобщей воинской обязанности. Следует обратить особое внимание на существование и развитие такой специфической формы территориальных формирований, какой являлись национальные части и соединения. Руководство страны придавало большое значение национальным воинским формированиям, что нашло свое отражение в решениях XII съезда РКП(б). На основании решений съезда пленум Реввоенсовета СССР (комиссия под руководством Ф. Э. Дзержинского) в ноябре 1924 г. разработал и принял 5-летнюю программу национального строительства Красной армии, которая была одобрена в мае 1925 г. III Всесоюзным съездом Советов. Программой определялся порядок комплектования национальных воинских формирований с учетом потребностей страны в обороне [29].

Национальные формирования были устроены следующим образом:

а) организация войск и обучение личного состава осуществлялись по общим для РККА канонам;

б) обязательным оставалось руководство национальными частями со стороны ВКП(б), которое осуществлялось путем отбора политически надежных элементов через общественные организации [30];

в) с точки зрения боевой подготовки национальные части должны были соответствовать уровню Красной армии, для чего предполагалось укомплектовать начальствующий состав подготовленными военными специалистами, издавать необходимую литературу и т. д.

В ходе осуществления военной реформы национальное военное строительство увязывалось с историческим прошлым и национальными особенностями регионов. Обучение военному делу в национальных формированиях проходило, как правило, на родном языке; параллельно проводилось освоение исполнительных команд на русском языке, знание которого для национального комсостава было обязательным.

В программе о национальном строительстве также было решено, что в регионах, где население до революции привлекалось на военную службу, будут создаваться национальные дивизии. Там же, где население не подпадало под во-

инскую повинность, было признано целесообразным вначале создавать военные школы и небольшие кадровые опытно-показательные подразделения, а затем на их базе – национальные части и соединения [31].

Уже в 1926 г. стрелковые и кавалерийские национальные дивизии и полки создаются в Украине, в Белоруссии и Грузии. Чуть позже в Узбекской, Казахской, Туркменской республиках, в Бурят-Монгольской, Башкирской, Таджикской, Татарской и Якутской АССР.

Всего в 1925 г. было создано 18 национальных военно-учебных заведений, кроме того, принимались меры к увеличению числа представителей нерусских национальностей в других военно-учебных заведениях. Если на 1 октября 1923 г. в них обучалось 23,7 % курсантов этой категории, то в 1925 г. их насчитывалось почти 34 % [32].

Стали открываться военно-учебные заведения в республиках и автономных областях. Хотя обучение в них было не самого высокого качества, они положительно повлияли на укрепление престижа Красной армии в регионах.

К весне 1925 г. в национальных воинских формированиях служило 65 тыс. человек, что составляло десятую часть общей численности Красной армии.

Позднее, в 1926–1927 гг., на некоторые языки народов СССР были переведены военные уставы, наставления, учебные пособия. На родном языке допризывников и военнотружущих издавалась политическая и общеобразовательная литература, газеты и журналы [33].

Оценивая кадры национальных частей с точки зрения интересов повышения боеспособности Красной армии, народный комиссар обороны утверждал, что в этом отношении получены определенные плюсы. Так, плюсами национального строительства он считал следующее:

1) к обороне границ страны привлечены новые миллионные массы трудящихся, населяющие наиболее уязвимые районы;

2) обучение на родном языке благоприятно отразилось на усвоении красноармейцами военных знаний [34];

3) происходит укрепление отношений между многочисленными народами Союза, особенно между народами Закавказья;

4) демобилизованные красноармейцы из национальных частей возвращаются домой политически и культурно грамотными;

5) создание красных нацчастей является подлинным освобождением от гнета.

Национальные воинские части действительно сыграли определенную положительную роль:

– если в царской России представители около 40 национальностей не допускались в ряды Вооруженных Сил, то их привлечение в 20–30-е гг. расширило мобилизационные возможности страны;

– в известной мере такие части способствовали изживанию национальной вражды, укреплению дружбы между народами СССР;

– в национальных дивизиях боролись за грамотность красноармейцев, так как 95 % азербайджанцев, 90 % представителей народов Средней Азии, 45 % армян и 35 % грузин призывались неграмотными [35].

В нашей стране национальные воинские соединения, части и подразделения просуществовали до конца 30-х гг. В связи с постановлением ЦК ВКП(б) [36] и Совнаркома СССР, принятым 7 марта 1938 г., они были переформированы в общесоюзные воинские части с экстерриториальным комплектованием и дислокацией, а граждане национальных республик и областей были призваны к выполнению воинской службы на общих со всеми национальностями СССР основаниях [37].

Создание и функционирование национальных воинских частей серьезно затруднялось некоторыми историческими и внутривнутриполитическими обстоятельствами.

Так, в Украине, Грузии, Армении, Азербайджане все еще были сильны буржуазные и мелкобуржуазные националисты. Особенно сложно было создавать национальные части в Средней Азии и Закавказье, так как многие народы этих регионов до революции вообще не призывались на военную службу, а вместо этого платили специальный налог [38].

Надо заметить, что по уровню боевой и политической подготовки национальные формирования не уступали общесоюзным. Об этом свидетельствовали как инспекторские проверки тех лет, так и полученные этими формированиями высокие оценки на маневрах войск РККА [39].

1 сентября 1939 г. был принят новый закон «О всеобщей воинской обязанности», который отменял классовые ограничения в военной службе и устанавливал новый порядок ее прохождения. Интересы безопасности государства требовали создания многомиллионной кадровой армии

с единым экстерриториальным принципом комплектования.

Начальник ПУРККА Л. З. Мехлис об отказе от национальных воинских формирований и переходе к общесоюзным воинским частям с экстерриториальным комплектованием говорил следующее: «Ликвидация национальных формирований прошла хорошо. Но в некоторых частях Белорусского особого военного округа формирование подразделений производится до сих пор по национальному признаку. Это неверно. Во 2-й стрелковой дивизии один из командиров рот исключил из списков всех нацменов для участия в наряде. Имеются тенденции посылать на работы националов вне очереди. В 15-м стрелковом полке была попытка сговора нацменов не отвечать, когда с ними разговаривают на русском языке» [40]. Такие недостатки постепенно удалось изжить, но все равно они периодически появлялись в сводках ПУРККА.

В целом смешанная система комплектования Вооруженных Сил СССР в 20–30-е гг. выполнила свое назначение, продемонстрировав следующие положительные стороны:

- она создавала надежное обеспечение мобилизации в случае военного нападения;
- предполагала до известной степени гарантированную возможность военной подготовки почти всего годного к службе призывного контингента;
- давала большой материальный, хозяйственный эффект и экономии средств и ресурсов.

Но эта система обладала и очень серьезными недостатками:

- численно небольшие постоянные кадры территориальных формирований не обеспечивали при массовой военной мобилизации необходимой устойчивости частей и соединений;
- отмечалась невысокая боевая и политическая подготовленность, сплоченность личного состава, слабая воинская дисциплина;
- дислокация территориальных частей по районам комплектования не позволяла располагать их в необходимых с оперативной точки зрения местах, на направлениях вероятного удара противника и пр.;
- территориальные части не обеспечивали овладения бойцами сложной военной техникой.

Очевидно, что указанные недостатки по своему значению превосходят достоинства территориально-милиционной системы.

Необходимость укрепления обороноспособности, усиление экономического потенциала страны позволили постепенно отказаться от идеи милиционных формирований. В 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о переводе основной массы территориальных дивизий на кадровый уровень. К началу 1935 г. 77 % соединений были кадровыми и только 23 % оставались территориальными [41].

Для успешного осуществления намеченных мероприятий требовалось серьезно улучшить руководство вооруженными силами страны.

До 1924 г. в сфере центрального военного управления отсутствовала единая организационная структура, также серьезной проблемой был очень громоздкий штат, не соответствующий ни одному из требований того времени, что затрудняло управление войсками.

Таким образом, следующим важнейшим шагом военной реформы стала реорганизация военного аппарата. Проведенная проверка состояния дел в Красной армии закончилась, как отмечено выше, нелицеприятными выводами. Пятого февраля 1924 г. комиссия сделала заявление, что аппарат управления Красной армии характеризуется оторванностью составляющих его звеньев друг от друга, часто формальной связью между ними, нечетким построением и бюрократическими тенденциями [42].

Преобразования начались в соответствии с приказом Реввоенсовета СССР от 28 марта 1924 г. Главной задачей стало сокращение кадров управления на 40–50 %. Сокращение происходило быстрыми темпами. Если к 1 октября 1923 г. в управленческих органах числились 3 732 человек, то в 1924 г. их осталось 2 885 человек [43].

Члены национальной комиссии предложили максимально упростить аппарат управления, устранить параллелизм и бюрократизм, распределить функции между различными органами, приспособить организацию мирного времени к организации военного времени, повысить квалификацию сотрудников, сократить штаты. ЦК РКП(б) и Реввоенсовет СССР одобрили эти положения и установили срок перехода на новую организацию с 15 апреля 1924 г.

В соответствии с разработанной схемой реорганизации была упразднена должность Главкома, необходимость в которой в мирное время и в самом деле отпала. Начальнику снабжения РККА были подчинены все учреждения, ведавшие обеспечением войск техническим имуществом.

Штаб РККА был разделен на три самостоятельных органа: административный штаб – Управление (с декабря 1924 г. – Главное управление) РККА, штаб подготовки войск – Инспекторат РККА, оперативный штаб – Штаб РККА. Однако уже в сентябре выяснилось, что Штаб РККА «перегружен делопроизводством по многим мелочным вопросам, требующим к себе большого внимания, и поэтому мешающим сосредоточиться на основной работе» [44]. Не удалось и разграничить функции между Инспекторатом и Штабом РККА, поэтому по докладу заместителя начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского Инспекторат в сентябре – октябре расформировывается, а в составе Штаба РККА создаются инспекции родов войск, упраздняется Управление боевой подготовки, вопросы комплектования и войсковой мобилизации из Штаба РККА передаются в Главное управление РККА.

В 1925 г. проводится очередная реорганизация центрального военного аппарата. К тому времени борьба за власть между Сталиным и Троцким достигла своего апогея. О том, что Троцкий проиграл, свидетельствовало освобождение последнего от должности председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам. На этих постах его сменил Фрунзе, после смерти которого в октябре 1925 г. председателем Реввоенсовета СССР и народным комиссаром по военным и морским делам стал Ворошилов, не имевший, как и его предшественники, военного образования.

В 1925 г. специальная комиссия во главе с заместителем начальника Штаба РККА С. А. Пугачевым разработала новые предложения по реорганизации центральных управлений Наркомвоенмора, которые в октябре получили одобрение со стороны РВС СССР. Численность центрального аппарата была сокращена до 3 598 человек. Инспекторат РККА снова был выделен в самостоятельный орган. Были созданы единый шифровальный отдел Наркомвоенмора и Управление делами РВС СССР.

Но уже через год в связи с кампанией «режима экономии» вновь ставится вопрос о сокращении и реорганизации управленческого аппарата. В июне 1926 г. РВС СССР одобрил соответствующие предложения комиссии, которой на сей раз руководил заместитель председателя Реввоенсовета И. С. Уншлихт.

«Существенным моментом новой организации центрального аппарата, действующей с не-

большими поправками и в настоящее время, – отмечалось в “Краткой исторической справке об организации центрального военного управления РККА”, составленной в июне 1928 г., – является наиболее полное объединение вопросов обороны страны в Штабе РККА, и администрирования – в ГУ РККА» [45].

Инспекторат РККА был снова расформирован, инспекции родов войск вместе с Управлением военно-учебных заведений подчинены Главному управлению РККА, ему же из Штаба РККА было передано Военно-топографическое управление.

В опубликованных в советский период работах отмечалось, что реформа центрального военного управления «сыграла огромную роль в укреплении Вооруженных Сил страны, в укреплении обороноспособности СССР» [46]. В действительности дело обстояло совсем иначе. Отсутствие у высших военных руководителей четкого представления о месте и роли центральных органов управления, не говоря уже об их неоднократной реорганизации (то слияние, то, наоборот, разукрупнение), никогда не способствовало успешной работе этих органов. Не принесла пользы и частая смена руководства «мозга армии» – Штаба РККА. До апреля 1924 г. его возглавлял генерал П. П. Лебедев, затем до февраля 1925 г. вольноопределяющийся М. В. Фрунзе, которого сменил полковник С. С. Каменев, в ноябре того же года начальником Штаба РККА стал поручик М. Н. Тухачевский, в мае 1928 г. – полковник Б. М. Шапошников и в июне 1931 г. – полковник А. И. Егоров, который руководил Штабом (Генеральным штабом до мая 1937 г.). Вместе они имели богатый боевой опыт, но из-за кратковременного пребывания в должности (кроме Егорова) не могли довести до конца начатое дело.

В 1928 г. Шапошников предложил провести новую реорганизацию, которая была осуществлена в январе 1930 г. В состав Штаба РККА были переданы из Главного управления РККА все вопросы мобилизации, комплектования и подготовки начсостава запаса. В 1933–1934 гг. под руководством А. И. Егорова работа по уточнению структуры центрального аппарата продолжалась. В результате мобилизационные вопросы были снова переданы в ГУ РККА, а из Штаба РККА выведено Разведывательное управление с переподчинением его непосредственно Наркомвоенмору. В июне 1934 г. ЦИК СССР упразднил Реввоенсовет СССР, а Наркомат по военным и мор-

ским делам переименовал в Наркомат обороны (НКО). Вместо Реввоенсовета СССР при наркомате обороны был создан Военный совет совещательного характера. Преобразованный в 1938 г. в Главный совет РККА, он стал функционировать на правах бывшего РВС СССР. Вскоре и Военный совет при Наркомате ВМФ был реорганизован в Главный военный совет ВМФ. Еще в сентябре 1935 г. Штаб РККА был преобразован в Генеральный штаб (ГШ) РККА, из состава которого был выведен отдел боевой подготовки, развернутый в соответствующее самостоятельное управление.

В 1937–1939 гг. деятельность центрального военного аппарата была фактически парализована; в ходе борьбы с «врагами народа» под репрессии попали начальник Генерального штаба А. И. Егоров, его заместители В. Н. Левичев и С. А. Межининов, 22 начальника и 30 ответственных работника НКО СССР и Генерального штаба [47].

Итогом перестройки аппарата военного управления на всех уровнях явилось его сокращение, более рациональная с точки зрения мирных условий организация, качественный рост управления боевой и политической подготовкой войск.

Следующей важной задачей, выполненной в годы проведения военной реформы, явилась реорганизация системы подготовки военных кадров.

В этом отношении стояли две задачи:

- во-первых, повысить общий уровень знаний комсостава, усилить его военную и политическую подготовку;
- во-вторых, наладить систему подготовки нового командного состава с целью нормального пополнения армии высококвалифицированными командными кадрами.

В армии имелся большой некомплект командного состава: высшего – 28 человек, старшего – 442 человек, среднего – 5138 человек, младшего – 7297 человек [48]. Также, помимо некомплектованности, стояла проблема с начальствующим составом, который соответствовал бы требованиям времени. Перед началом реформирования 51 % командиров получили образование в старой армии, 12 % не имели никакого военного образования и 37 % окончили советские вузы [49].

Из доклада комиссии РВС СССР «По реорганизации военного аппарата системы управле-

ния», которым была закончена работа по проверке Красной армии, видно, что сложившаяся обстановка полностью не соответствует требуемому уровню, методика обучения не на должной высоте, отмечается формальный и казенный подход к нему [50].

Численность военно-учебных заведений к 1924 году составляла:

- академий – 5 (из них одна военно-хозяйственная);
- высших школ – 1 (востоковедения);
- курсов усовершенствования – 12;
- школ нормального типа – 49 (пехотных – 16, кавалерийских – 5, артиллерийских – 6, инженерных – 2, связи – 2, специальных – 6 и объединенных – 12) [51].

Несмотря на наличие большого количества вузов, они не обеспечивали необходимое число специалистов по следующим причинам:

- большинство военных школ и курсов были не укомплектованы командным и преподавательским составом, значительная часть которого не имела практической подготовки (не участвовала в гражданской войне);
- из-за большого количества различных типов вузов, а также неудовлетворительного снабжения материально-технической базой была слабой, а командно-преподавательский состав в определенной части был недостаточно подготовлен [52];
- преподавание носило в основном теоретический характер, было оторвано от практики войск, от опыта гражданской войны;
- в учебном процессе имела место многопредметность, отсутствовали отработанная методика проведения занятий, единые требования к знаниям выпускников;
- количество подготовленных в вузах командиров переходных подразделений превышало необходимую потребность, но при этом остро не хватало начсостава по техническим специальностям (авиация, связь и др.);
- было необходимо переосмысление партийно-политической и идейно-воспитательной работы с курсантами и слушателями в связи с новыми историческими условиями.

Таким образом, реорганизацию подготовки военных кадров решено было провести по следующим направлениям:

- придание системе вузов законченного и последовательного характера;

- приведение численности вузов в соответствие с реальными потребностями армии в командных кадрах;
- изменение программ и методов обучения, повышение качества обучения;
- укрепление и обновление командного и преподавательского состава вузов.

В ходе реформы военное образование разделилось на два основных вида: среднее (по окончании нормальной военной школы) и высшее (по окончании академии). В соответствии с этим существовало три вида вузов:

- нормальные военные школы со сроком обучения 3–4 года;
- курсы усовершенствования командного состава и высшие военные школы со сроком обучения до 1 года;
- военные академии со сроком обучения 3–5 лет.

Проводя анализ преобразования подготовки военных кадров, К. Е. Ворошилов на торжественном заседании по случаю выпуска красных командиров 10 сентября 1926 г. отметил: «Мы должны уже с гордостью сказать, что эта огромнейшая и труднейшая задача по созданию командного корпуса, годного для управления нашей Красной Армией, нами уже на 75 % разрешена. Из 48 тыс. красных командиров мы имеем больше 34 тыс. окончивших или наши нормальные школы, или краткосрочные курсы» [53].

К началу 1928 г. в СССР насчитывалось 49 школ, 6 военных академий и 5 военных факультетов при гражданских вузах. С 1929 г. начался общий рост численности и емкости вузов, особенно технического профиля.

Также вместе с ростом обученных командиров отмечался рост числа командиров, состоящих в партии, в сводках ПУРККА – рост партийной прослойки комсостава РККА (1925 г.):

- членов РКП(б) – 11 264 чел. (23,5 %);
- кандидатов – 3 831 чел. (8,0 %);
- членов ВЛКСМ – 1 190 чел. (2,5 %);
- всего – 16 291 чел. (34 %) [54].

Эти цифры показывают, что партийная прослойка в среде командно-начальствующего состава РККА с каждым годом увеличивалась. Одной из причин был рост числа выпускников-партийцев. К 1929 г. доля членов ВКП(б) и ВЛКСМ составляла 60,8 % от общей численности военных кадров.

Состояние кадров РККА получило принципиальную оценку в постановлении ЦК ВКП(б)

(февраль 1929 г.), констатирувавшем, что «РККА обладает подготовленным, политически устойчивым начальствующим составом, вполне обеспечивающим боеспособность армии, как орудия пролетарской диктатуры» [55].

Таким образом, реформированная система подготовки кадров позволила обеспечить армию необходимым количеством начсостава, который отвечал требованиям времени.

Проанализировав реформирование Красной армии в 1920-е гг., можно сделать следующие выводы:

1. В рассматриваемый период была введена смешанная система комплектования, сочетающая кадровую и территориально-милиционную системы. Опыт показал, что при определенных достоинствах (экономия средств, большой охват молодого пополнения и пр.) эта система не обеспечивала должного уровня боевой и политической подготовки войск, их сплоченности, слаженности и крепкой воинской дисциплины.

2. Реорганизован и сокращен центральный военный аппарат, что позволило улучшить систему управления.

3. Стабилизирован численный состав армии, ликвидирована текучесть личного состава, установлена твердая и регламентированная система комплектования вооруженных сил и прохождения воинской службы.

4. Изменена вся система подготовки кадров: преобразованы учебные программы, усовершенствована методика преподавания.

Приложение

1. Советские Вооруженные Силы: История строительства [Текст]. – М., 1978. – С. 123.
2. См.: Российский государственный архив (далее – РГВА). – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 155.
3. Фрунзе, М. В. Избранные произведения [Текст]. – М., 1984. – С. 220–221.
4. См.: Тельпуховский, Б. С. КПСС во главе строительства Вооруженных Сил СССР. Окт. 1917–1982 гг.: Истор. очерк / Б. С. Тельпуховский [Текст]. – М., 1983. – С. 94.
5. См.: Осьмачко, С. Г. Военная реформа в СССР (1924–1928 гг.): содержание, значение и исторические уроки / С. Г. Осьмачко [Текст]. – Ярославль, 1991. – С. 11.
6. См.: КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. – М., 1981. – С. 223.
7. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 155.
8. Там же. – Л. 156.
9. См.: Тельпуховский, Б. С. Указ. соч. [Текст]. – С. 92.

10. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 163.
11. См.: Там же. – Ф. 9. – Оп. 13. – Д. 644. – Л. 7.
12. Цит. по: Берхин, И. Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.) / И. Б. Берхин [Текст]. – М., 1958. – С. 104.
13. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 12.
14. См.: Там же. – Оп. 2. – Д. 21. – Л. 610.
15. См.: Там же. – Л. 611.
16. См.: Берхин, И. Б. Указ. соч. [Текст]. – С. 98–99.
17. Ворошилов, К. Е. Статьи и речи [Текст] / К. Е. Ворошилов. – М., 1936. – С. 132.
18. Рышман, М. Революционный Военный Совет СССР за 10 лет [Текст] / М. Рышман. – М.; Л., 1929. – С. 14.
19. Ворошилов, К. Е. Указ. соч. [Текст]. – С. 44.
20. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 252.
21. См.: Там же. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 4.
22. Там же. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 253.
23. См.: Там же. – Д. 14. – Л. 197.
24. Там же. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 219. – Л. 2–3.
25. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза [Текст]. – С. 224.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 137.
27. См.: Тельпуховский, Б. С. Указ. соч. [Текст]. – С. 82.
28. Закон о всеобщей воинской обязанности [Текст] // Партийно-политическая работа РККА. – 1939. – № 17–18.
29. См.: Деятельность Коммунистической партии по созданию и укреплению Советских Вооруженных Сил. – С. 127.
30. См.: РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 12. – Л. 252.
31. См.: Градосельский, В. В. Национальные воинские формирования в Красной Армии (1918–1938 гг.) [Текст] // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 10. – С. 4.
32. См.: Там же. – С. 5.
33. См.: КПСС и строительство Вооруженных Сил СССР [Текст]. – М., 1959. – С. 234.
34. См.: КПСС в резолюциях... Указ. соч. [Текст]. – С. 137.
35. Берхин, И. Б. Указ. соч. [Текст]. – С. 140.
36. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 12.
37. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. [Текст]. – С. 287.
38. См.: Осьмачко, С. Г. Развитие Советских Вооруженных Сил в межвоенный период (1921–1941 гг.): опыт и уроки / С. Г. Осьмачко [Текст]. – Ярославль, 1992. – С. 15.
39. См.: Военно-исторический журнал [Текст]. – 1989. – № 11. – С. 12.
40. РГВА. – Ф. 9. – Оп. 29. – Д. 348. – Л. 36.
41. См.: Красная звезда [Текст]. – 1936. – 16 января.
42. См.: РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 5.
43. См.: Тельпуховский, Б. С. Указ. соч. [Текст]. – С. 22.
44. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 720. – Л. 8.
45. Там же. – Л. 15.
46. Берхин, И. Б. Указ. соч. [Текст]. – С. 160.
47. История военной стратегии России [Текст]. – М., 2000. – С. 208.
48. См.: Берхин, И. Б. Указ. соч. [Текст]. – С. 259.
49. См.: Военная история: вопросы и ответы. – М., 1992. – С. 54–55.
50. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 4.
51. Там же. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 202.
52. См.: Лушников, А. М. Советская военная школа в 1921–1941 гг.: социально-политические аспекты развития / А. М. Лушников [Текст]. – Ярославль, 1997. – С. 12.
53. РГАСПИ. – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 143. – Л. 35.
54. РГВА. – Ф. 4. – Оп. 2. – Д. 3. – Л. 202.
55. Там же. – Л. 42.